

Антон Горынин

Продавцы слов

Антон Горынин
Продавцы слов

«Издательские решения»

Горынин А.

Продавцы слов / А. Горынин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939703-4

«Продавцы слов» — это не что иное, как трип-повесть о возможном будущем в настоящем времени. Как только вы откроете книгу, с вами неведомым ему самому способом свяжется построссиянин Умом, который начнёт рассказывать о том, как и чем в XXIII веке живут нелегальные продавцы слов.

ISBN 978-5-44-939703-4

© Горынин А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	14
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Продавцы слов

Антон Горынин

«Если драма бессодержательна, фильм пустой, а комедия бездарна, дайте мне дозу возбуждающего – ударьте по нервам оглушительной музыкой!»

Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту»

© Антон Горынин, 2018

ISBN 978-5-4493-9703-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Неописуемо противный звук раздаётся внутри вашей головы совершенно неожиданно. Звук этот настолько противен, что вам кажется, будто мозг ваш сейчас разорвёт на мелкие кусочки. Но вот через какие-нибудь несколько секунд звук-агрессор исчезает, оставив после себя таинственный радиошум, поверх которого вы слышите голос, обычный такой мужской голос.

Торгашу, как и всем остальным, нет никакого дела до того, что эта ядерная осень не закончится никогда. Главное, что люди, пусть и малая часть, всё-таки успели спастись. Теперь даже средняя степень лучевой болезни легко излечима. А реальность, застрявшая в межсезонье, людей ничуть не расстраивает. По большому счёту, сегодняшняя реальность их вообще не интересует. У каждого землянина в возрасте 3+ с некоторых пор есть своя реальность. Нет, речь не о внутреннем мире. Я говорю об индивидуальном виртуальном мире. У каждого он свой, это стало возможным благодаря такому чудесному устройству, как встроенный воображатель от отечественной компании «Grusha» – бренда, известного на всём построссийском пространстве, в том числе благодаря оригинальной символике – плода груши, откушенной снизу. Правда, говорят, что символ этот всё-таки частично позаимствован у какой-то прошловековой американской компании, якобы у кого-то есть даже вещественные тому доказательства, но не знаю, не знаю. После Мировой ядерной войны мы окончательно потеряли связь с нашими, как говорил один из прошлых российских правителей, «западными партнёрами». А во время патриотической революции всё западное (в первую очередь американское) уничтожалось целенаправленно. Кто знает, может и правы были очередные революционеры – нынешние временщики. В конце концов, дело не в откушенной груше или яблоке, дело в том, что теперь каждый построссиянин имеет счастливую возможность быть сам по себе. И это официально закреплено в рабочей версии новой построссийской Конституции. Очередная дурацкая (ИМХО) человеческая мечта сбылась благодаря техническому прогрессу. Вживлённый в мозг каждого условного построссиянина биоэлектронный воображатель фиксирует и преобразует определённые мыслительные процессы в реальные ощущения, следовательно, создаёт для воображающего вполне себе реальный мир, в котором тот делает что и как хочет. Стоит ли говорить, что порноиндустрия переживает с тех пор не лучшие времена. Вот только покушать с помощью «груши» нельзя: пищеварительная система по-прежнему умнее человека – её не обманешь.

К сожалению (а порой и к счастью), отечественная «Grusha», прежде всего бюджетный её вариант, часто подглюкивает, выстраивая своему хозяину мир, прямо противоположный воображаемому. Хозяева, конечно, негодуют, но быстро успокаиваются, перезагружаются и живут до следующего глюка вполне себе счастливо, как будто ничего не произошло, да-да, не удивляйтесь (если удивились), народ у нас хоть и «пост», но и через двести с лишним лет всё такой же.

Вот и я сейчас, ругнувшись, ушёл на перезагрузку, а тут ещё и обновления стали грузиться. Сижу жду, разглядывая своего приятеля и в каком-то смысле начальника, сорокапятилетнего, весьма крепкого и телом, и духом мужчину по прозвищу Торгаш. Он сидит на подоконнике и смотрит в огромное тонированное окно. За окном серо-рыже-розовая дымчатая ядерная осень (а вы какой её себе представляли?), которая не закончится уже никогда. Точнее, когда-нибудь она закончится, но не при нашей жизни точно. Но, я почти уверен, Торгашу, как и всем, на это наплевать. Хотя я искренне не понимаю, как он может оставаться к этой вечной осени равнодушным, не имея, повторюсь, обязательного для всех внутреннего воображателя.

– Ум? – спрашиваю я Торгаша. Междометие, как бы это называли пару веков назад, «ум» в нашем постлитературном пострусском языке, в зависимости от интонации и множества ментальных нот, которое человеческое ухо вашего времени и не различило бы, может означать самые разные явления и мысли. В данном случае я спросил Торгаша, почему это он опять загрустил.

– Ум, – не отворачиваясь от окна, отвечает мне Торгаш. Его ответ означает, примерно, следующее: «Да так, ничего».

– Ум, – успокоительно произношу я, имея в виду, что беспокоиться не из-за чего, эту точку точно не спалют, по крайней мере, в ближайшее время.

Наш старый клиент Умау действительно подогнал нам отличный вариант нового убежища, Умау вообще можно верить. Он с нами с первых дней существования нашего подпольного недобизнеса – редкий словофил. И на предателя он совсем не похож.

Торгаш ухмыляется и чешет свой шрам на темени, но едва ли этот его шрам действительно зудит. Свой опрометчивый поступок по самоизвлечению «груши» из головы он совершил более трёх лет назад, рана давно зажила и зарубцевалась. Хотя, я помню, крови было очень много, до сих пор не понимаю, как он выжил тогда. Видимо, действительно дело было в той короткой христианской, кажется, молитве, которую он, корчась от боли, перечитывал про себя снова и снова... Даже инфекцию никакую не подхватил.

А рты наши до сих пор зашиты. И кушаем мы все через герметично вставляемую микрогастростому... Впрочем, здесь предпочту обойтись без подробностей.

Помню, как-то спросил у Торгаша:

– Ум? (Торгаш, ты принципиально почти что голыми пальцами извлёк из своей башки «грушу», почему ты не стал разрывать себе рот?)

Этот вопрос его не на шутку разозлил.

– Ум? Ум? Ум! Ум! Ум!?! (Ты совсем, что ли? Нет, ты сейчас это всерьёз спросил? Разорванный рот – это же, если засекут, смертельный приговор сразу! А шрам можно волосами прикрыть, на худой конец, объяснить нечаянной травмой! Ты что, действительно этого не понимаешь?!) – кричал на меня Торгаш.

– Ум-ум, – успокоительно проумкал я и больше этот вопрос не задавал ему никогда. Только мысленно возразил тогда приятелю, что нас, если засекут, всё равно казнят, второго не дано. Грустно и весьма жизнеутверждающе.

И вот сейчас Торгаш отворачивается от окна, смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Ум? (Вообще-то я не беспокоюсь, я думаю, может, нам... мне уже открыть рот?)

Сказать, что я удивлён, ничего не сказать.

– Ум? (Ты серьёзно?) – спрашиваю.

– Ум. (Пока нет, просто задумался.)

– Ум? (Это был бы серьёзный шаг, Торгаш, помнишь, как ты разозлился, когда я спросил тебя о том, почему ты не разорвал себе рот?)

– Ум! (Я просто задумался сейчас, ничего серьёзного, любой словофил об этом задумывается периодически!)

Я молча киваю, соглашаюсь. Торгаш отворачивается к окну, вздыхает, думает дальше. О чём думает, не знаю, боюсь даже предположить теперь после такого его заявления. А рты нам зашивают власти, это обязательная процедура при рождении, за неисполнение которой ввели смертную казнь, ни много ни мало. Рот у построссиянина должен быть зашит с самого рождения, чтобы он, не слыша речи взрослых, рты которых соответственно тоже зашиты, не дай Бог, не научился разговаривать. Языки, тем более русский, под официальным запретом уже больше полувека. По мнению сегодняшних временных властей, с помощью языка из поколения в поколение передавалось много лишнего. Под «лишним» следует понимать, прежде всего, историю, какой она была на самом деле. А в нашей бывшей стране, которую всё-таки раз-

бомбил некогда принятый нами с распростёртыми объятиями Китай, который мы разбомбили в ответ, существование людей должно быть основано лишь на двух столпах, на двух, так сказать, всеобъемлющих чувствах: смирении и патриотизме. Больше ничего. Совсем ничего. Наш построссийский народ теперь живёт в своих изрядно покалеченных очередной войной домах, каждый своей воображаемой жизнью. Воображать позволено всё что угодно, но в обязательном порядке каждый построссиянин должен не меньше девяти часов в день (без выходных) посвятить восстановлению своего реального города и стать родителем хотя бы одного ребёнка. Мы с Торгашом никакую реальность не восстанавливаем, и это одна из причин, хоть и не самая главная, того, что мы сегодня во всемирном розыске...

Да, я всё говорю «бывшая страна», «построссияне», людям из вашего настоящего требуется некоторое пояснение и на эту тему. Дело в том, что мы сейчас живём в недогосударстве, которое ещё не определилось со своим статусом и устройством. Вот и называемся условно ПострОссией. За эти пару сотен лет – между вашими и нашими временами – вообще столько всего было. Но главные катастрофы произошли в последние для нас тут почти сто лет. Первая мировая ядерная война, в которой до сих пор неясно, кто победил; местная антидемократическая или патриотическая (как угодно) революция; десять лет гражданско-религиозной войны якобы мирных мусульман с радикально настроенными христианами. Гуманитарная катастрофа, миллионные жертвы, крах экономики, культуры... и вот мы с Торгашом здесь – в нашем новом убежище и одновременно явочной квартире для словофилов, ждём покупателей, смотрим через окно на руины и эту страшно красивую ядерную осень...

Подождите-ка... Торгаш поворачивает ко мне голову, сейчас как проумкает ещё что-нибудь... Нет, глаза закрыты – спит. Поёжился. Спит. С ним такое бывает. Сначала думает свои тяжёлые (говорю без иронии) думы, потом, видимо, в этих размышлениях и засыпает. А я спать не хочу. И виртуалить больше не хочу. Я мог бы объяснить вам, как и почему подключаюсь к вашему сознанию, однако и сам толком не понимаю, как и зачем это происходит. Может, как-нибудь со временем буду что-то понимать и объяснять вам.

Пожалуй, продолжу разбирать наш архив. Каким чудом мы перевезли сюда весь наш товар, оставшись незамеченными, не понимаю, видимо, действительно, каким-то чудом. Так что пока отключаюсь, но ещё вернусь, будьте начеку.

Противный звук снова пронзает вашу голову, но мозг ваш опять не взрывается. Звук быстро исчезает, не оставляя после себя ни голоса, ни тихого межвременного, как вы теперь понимаете, радиошума.

2

В вашей голове снова совершенно неожиданно раздаётся противный звук. Звук практически тут же исчезает, остаются уже знакомые вам таинственный радиошум и голос.

У нас тут вечер. Девятый час. Торгаш всё спит на подоконнике, а я, как и планировал, потихоньку разбираю оставшийся товар, он же архив. Архив наш остаётся довольно большим, всё потому, что слова сегодня плохо разбирают. Постграждан можно понять – товар запрещённый, дорогой, да и тех, кто умеет читать, всё меньше и меньше, даже притом, что лучевая болезнь нынче всё равно, что насморк – так же не смертельна. Люди сегодня чаще мрут от нервного истощения – воображатель воображателем, но работает-то он на психической энергии своего хозяина. Кстати, вы, наверное, недоумеваете, зачем нам вообще деньги, если всё можно вообразить. А затем, чтобы приобрести и грамотно вшить себе «грушу» нового поколения – с более высоким разрешением. Ну и, конечно, для того, чтобы иметь возможность вливать себе через гастростростому питательный раствор покачественнее да пополезнее. Впрочем, более продуманные постграждане копят деньги на будущее, в котором, как они думают, будет какая-то вменяемая экономическая система и реальные перспективы на реальную жизнь, а то и на Возрождение – начало новой постъядерной эпохи в истории человечества и страны.

О! А вот и мой любимый раритет – «Записки из подполья». Обожаю эту книгу, вся эта комната в углу и оформившаяся в ней философия экзистенциализма... Вот странное дело: родился-то я намного позже того, как само слово «экзистенция» стало чуть ли не ругательным. Копаться в себе, задумываться о том, кто ты, зачем и куда идёшь, стало пошлым ещё, по-моему, у вас там – в начале двадцать первого века. Я родился гораздо позже, но откуда во мне тяга к этой теме? До сих пор не понимаю. Но каждый новый кусочек страницы с очередным словом отрываю для покупателя так, как будто это кусок моего собственного сердца, – вот как люблю эту книгу. Знаю «Записки...» наизусть, но покупателям показываю их в последнюю очередь.

Вот ещё пара шедевриков, мировая классика, девятнадцатый век, двадцатый... Смотрю на старинные книги, и прямо слёзы наворачиваются, какую культуру мы потеряли, от чего отказываемся, какие откровения стараемся забыть через этот запрет на язык, на слова, прекрасные глубокомысленные русские слова... А теперь вот «ум» да «ум» кругом.

Но есть отдельные словофилы, готовые отдать за новое для себя и старое для мира словечко последние деньги. А некоторые сами приносят на продажу свои библиографические раритеты.

Правительство решило лишить нас языка, но великую русскую культуру так просто не убить! И у Торгаша, я знаю, несмотря на его прозвище, главная цель не выручка, а сохранение, хотя бы частично, той – доумной – великой культуры. Хотя сам он строит из себя циника, барыгу какого-то, но я-то вижу его насквозь, и верю ему, иначе бы не пошёл за ним, обрекая себя на долгие прятки и смертную казнь, которая обязательно случится в конце всех концов. В общем, дорогие мои предки, что бы дальше с нами тут ни произошло, я хочу, чтобы вы там у себя знали: мы боремся за наш язык и культуру и будем бороться до конца! Собственно на дальнейшую, более агрессивную борьбу мы и копим деньги. Национальная валюта у нас хоть и временная, но всё же валюта. Правда, не знаю, как нам удастся перевести всё наторгованное в электронный формат...

Опа, стучат. Торгаш, как всегда в таких случаях, просыпается мгновенно и тут же хватается за свой лазерный пистолет, но стук вроде бы условно правильный. Подозреваю, что пришёл наш постоянный друг, тот самый Умау.

Вместе с Торгашом, настороженно переглядываясь, тишайшими шагами подходим к двери, я смотрю в глазок... Точно – Умау. И чьё-то изящное, если не сказать худое плечо рядом с ним.

– Ум? (Это кто с тобой?) – строго спрашиваю Умау через дверь.

– Ум. (Своя.) – отвечает Умау.

Смотрю на Торгаша, он отрицательно качает головой, обращаюсь к Умау с ещё более строгой интонацией:

– Ум? Ум! (Что значит своя? Пусть хоть лицо покажет, плечо мне не кажется знакомым!)

Умау отходит в сторону, видимо, уступая место своей спутнице. В следующую секунду в глазке появляется весьма приятное, как по своим чертам, так и по выражению, лицо молодой женщины. Смотрю на Торгаша, киваю.

– Ум? (Точно не из этих?) – спрашивает он.

Пожимаю плечами.

– Ум. Ум. (Вроде непохожа. Думаю, Умау кого попало и не приведёт.)

– Ум. (Ну, пусть, посмотрим.) – нехотя соглашается Торгаш, заводя руку с оружием за спину.

Чтобы открыть дверь, мне нужно повернуть три ручки и набрать два четырёхзначных кода, что я и делаю тщательно и не торопясь. Приоткрываю дверь, вижу Умау и его спутницу во всей красе – на вид обычная такая построссийская гражданка: короткая стрижка, карие глаза, вздёрнутый носик... короче, она мне уже нравится.

– Ум? (Войдём?) – спрашивает Умау.

Приоткрываю дверь ещё немного и отхожу назад. Умау слегка подталкивает девушку, та шагает вперёд и оказывается прямо передо мной. От незнакомки пахнет дождём, да она и сама чем-то похожа на дождь, то есть, да, она в моём вкусе. Странно и при этом очень завлекательно, когда от сухой девушки пахнет дождём. Следом за гостьей порог переступает и Умау, закрываю дверь так же тщательно, как и открыл. Торгаш кивком головы приглашает гостей пройти дальше и как-то странно переглядывается с непрошеной гостьей. Умау снова подталкивает девушку, оба проходят на середину полутёмной комнаты, в которой мы ещё не включали и – в целях конспирации – не будем включать электрический свет.

Возможно, вам интересно, почему я так подробно описываю то, как мы с Торгашом принимаем гостей. Да потому что приходят они редко и всегда приносят потенциальную опасность – если о нашем месте нахождения узнают компетентные органы, то мы с Торгашом, а заодно и все наши покупатели не проживём и двух суток. Литературному русскому языку в нашем новом мире не место и продавцам слов, соответственно, тоже. Власти можно понять: человек, владеющий не только виртуально-смайловой системой и интонациями бывшего междометия «ум», но и хоть сколько-нибудь литературным языком, а значит, хоть сколько-нибудь культурный, потенциально опасен для, хоть и временного, но действующего режима. Прописная истина, которая была известна и в ваши времена: непросто управлять людьми, которые способны сами делать какие-то выводы и принимать решения. Но такие, как мы с Торгашом, Умау и, видимо, эта девушка, отказываемся понимать и принимать такой подход власти к человеку. Мы всеми правдами и неправдами добываем уцелевшие в ходе грандиозной кампании по уничтожению языка и всякой письменности (кроме виртуально-смайловой) книги, журналы и тому подобное, буквально отрезаем от них по нормальному русскому словечку и продаём. Дорого. Однако здесь нельзя всё резюмировать расхожей в ваше время фразочкой «ничего личного, только бизнес». В нашем деле личного больше, чем наличного. Мы ни слова не продадим тому, кому по каким-то причинам не доверяем. Мы подпольщики, действуем под страхом смерти, и подставные покупатели нам не нужны.

Пока я вам всё это рассказывал, Торгаш уже успел пообщаться с гостями. Умау представил нам свою спутницу, проумкал, что это его возлюбленная с очень распространён-

ным сегодня женским именем Ума. Ума сейчас сидит на подоконнике, смущённо улыбается (насколько это возможно с зашитым ртом). Она почему-то прячет от нас свои красивые глаза, но, кажется, это не повод ей не доверять. Смотрю на Торгаша, взгляд его в процессе общения с гостьей стал куда менее строгим, значит, он тоже так считает.

– Ум? (И где же вы с Умой познакомились?) – спрашиваю я Умау.

– Ум. (В библиотеке.) – отвечает Умау.

– Ум? (А если серьёзно?)

– Ум. Ум? Ум. Ум! (Я увидел её на углу двух главных улиц. Она шла мне навстречу и о чём-то думала, а вы знаете, какая это сегодня редкость – встретить просто так на улице, да ещё и на главной улице, думающего человека? Я спросил её, сколько сейчас времени, она задумчиво сказала, что не знает даже какой сегодня день, потому что думает о вечном. И вот тут я понял, что влюбился!

– Ум? (Когда это было?) – спрашивает Торгаш.

– Ум. (Позавчера, я как раз шёл от вас.)

Торгаш обращается к девушке:

– Ум. Ум? (Расскажите что-нибудь о себе, Ума. Извините, спрошу ещё раз: вы понимаете, куда попали, знаете, что такое литература, и вообще, что было до Построссии?)

– Ум. Ум. (Я прочитала много старых слов о том, что было раньше, я умею читать, прабабушка втихаря научила... а потом за ней пришли. Я хочу сотрудничать с вами и даже принесла вам в подарок небольшую книгу.) – говорит Ума и с этими словами вытаскивает откуда-то из-за пазухи маленькую книжку в песочно-жёлтой обложке.

Торгаш принимает подарок с благодарностью и настороженностью одновременно, он быстро пролистывает книжицу и протягивает её мне, если я правильно понимаю, для последующего изучения. Интересно. Пусть общаются дальше, а я отхожу в угол изучать книжонку какого-то неизвестного мне автора. Извините, пока отключаюсь.

Снова этот противный звук в вашей голове, удивительно, но ваш мозг опять не взрывается (вот видите, какой он у вас крепкий!). Звук быстро исчезает, не оставив после себя даже тихого радиошума.

3

*И снова этот ужас, наверное, проклинаемый вами звук из будущего.
Хорошо, что он всегда так быстро исчезает.*

Эти трое что-то бубнят в соседней комнате, а я всё рассматриваю подарок – маленькую книжонку объёмом в семьдесят две странички. Автор некий Антон Горынин, год издания – две тысячи пятнадцатый, Оренбург. Да, был до войны такой город на бывшей условной границе Европы с Азией. Это дебют, как я понимаю. Очень скромный дебют. На фотке автор улыбается закрытым ртом, а в глазах какой-то напруг. Странные эти лица из позапрошлого века, сплошные неврастеники. Успел просмотреть содержание – неплохо, такая тяга к философичности и горькой иронии, но это только ещё тяга... была. Интересно, что с ним стало потом и как он умер... Книжка открывается странным рассказом о семилетних детях в песочнице, неужели дети этого возраста когда-нибудь так разговаривали? Современные дети более-менее умкать только к трём годам в среднем начинают. А ну-ка тираж... всего-то двести экземпляров!

Врываюсь в комнату с Торгашом и гостями.

– Ум! Ум! Ум! Ум! Ум! (Это же настоящий раритет! Вполне возможно, таких книжек целиком больше нет на Земле! Или их единицы остались! Настоящая библиоредкость! Ума, чувствую, мы с вам подружимся!) – умкаю я громко, выказывая тем самым свой подлинный восторг.

Ума, Торгаш и Умау обращают свои взгляды на меня. Я не слышал, о чём они разговаривали, но то, что сказал я, по-любому важнее.

– Ум. Ум? (Ума, это очень дорогой подарок. Чем мы теперь вам обязаны?) – спрашивает Торгаш нашу не только симпатичную, но и, как оказалось, щедрую гостью.

– Ум. Ум. Ум. Ум. Ум. (Это книга принадлежала моей прабабушке. Она была из тайных графоманов и словофилов, это она познакомила меня с прекрасным миром старой литературы и искусства слова. Бабушка научила меня писать рукой. От неё же я узнала, что есть такие люди, как вы. Долго искала вас и нашла вот так случайно – благодаря Умау.) Сказав это, Ума награждает Умау таким взглядом, что становится ясно, чувства парня явно небезответны.

– Ум. Ум? (Хорошо, вы нас нашли. Что дальше?) – спрашивает Уму Торгаш с обычным для него недоверием ко всему и вся.

Ума смотрит на Торгаша с удивлением.

– Ум? Ум. (Как что? Я хочу вам помогать, хочу с вами работать.)

– Ум? Ум? (Уверены? Может, это просто, как говорили раньше, юношеский максимализм в вас говорит?) – спрашивает Торгаш. Ну, вот зачем он так с ней?

Ума переводит взгляд на меня. Я знаю, что этот взгляд может означать – она ищет поддержки. Я ей многозначительно подмигиваю, после чего обращаюсь к Умау:

– Ум. (Сходите-ка погуляйте ещё.)

Умау кивает, направляется к двери сам и тянет за собой Уму. В глазах девушки появляется испуг.

– Ум? (Но мы же ещё вернёмся?) – спрашивает она у Умау и снова смотрит на меня.

– Ум. (Вернёмся, вернёмся.) – отвечает Умау и тянет её за собой сильнее прежнего.

Ума нехотя шагает за порог, закрываю за ними дверь, конечно же, на все замки и цифры.

– Ум? (Ты что, действительно думаешь, что здесь нет никакого подвоха?) – спрашивает Торгаш, стоя у окна, сложив руки на груди.

– Ум. (Мне кажется, что нет.) – отвечаю.

– Ум? (Кажется?)

– Ум. (Думаю, что она чиста помыслами, романтическая натура, ты же видишь.)

– Ум. (Вижу.) – говорит Торгаш, внимательно глядя в окно.

Машинально поворачиваю голову по линии взгляда Торгаша и вижу, как Ума целует Умау в его грубо сшитые губы прямо на улице. А, надо сказать, сегодня такая выходка посреди города очень рискованна – проявление чувств на людях, на улицах запрещено временным административным кодексом. Можно штраф, а то и десяток другой часов принудительных работ по восстановлению города схлопотать.

– Ум... (И чем он мог ей понравиться...) Ой, я это вслух сказал?

– Ум? (Спрашиваю ещё раз, тебе девочка понравилась или ты действительно ей веришь?) – тон Торгаша трансформировался из строгого в суровый.

– Ум. (И то и другое.) – отвечаю.

Торгаш ухмыляется, молчит, смотрит в окно, Ума и Умау стоят на том же месте в обнимку. Умау нервно оглядывается по сторонам.

Торгаш многозначительно вздыхает и вместе с подаренной загадочной гостьей книжкой удаляется в свою маленькую читальную комнату без окон. Я слышу, как он устраивается поудобнее на своём ортопедическом нанодиване, вижу мерцающий свет – это его фонарик. Большим светом, напомним, мы не пользуемся, чтобы квартира продолжала казаться нежилой.

Я иду к себе в уголок, беру свой старенький уже полигаджет, открываю окно сообщений с Умау, выбираю из сотен смайликов самый хмурый и нажимаю «отправить». Моё к Умау сообщение означает буквально следующее: «Мы больше не в настроении общаться, уходите пока». Через несколько секунд от Умау приходит «подозрительный» смайлик со знаком вопроса, что, должно быть, означает «всё-таки подозреваете нас в чём-то?». В ответ на вполне закономерный вопрос выбираю и отправляю Умау смайлик, который отрицательно мотает головой. Умау должен понять, что это значит, а это значит «лично я не подозреваю». Через пару секунд на дисплее моего полифона появляется посланный Умау смайлик, показывающий жест «ОК», следом за «ОК» приходит анимированный смайлик, смотрящий на меня с игривой вопросительностью, я понял, что это означает, примерно, следующее: «Ну, как она тебе?». Хмыкаю и отправляю Умау смайлик «ОК». Закрываю окно сообщений, бросаю полигаджет на столик и отправляюсь в свою комнату. Вот что мне сейчас поделать, сесть повиртуалить или перечитать какой-нибудь кусок «Записок из подполья»? Ай, зачем я вас спрашиваю, всё равно не сможете мне ничего посоветовать. Это вы меня слышите, а я-то вас нет. Но я должен с вами общаться, просто чувствую, что должен и всё. Не зря же я эти экстрасенсорные способности в себе обнаружил. А путешествовать таким образом можно почему-то только в прошлое...

Уже очень хорошо знакомый вам, но от этого не менее противный звук вновь пронзает вашу черепную коробку, но мозг ваш остаётся цел. Звук скоро исчезает вместе с радиошумом, а это значит, что вы пока свободны. Пока. Можете заняться своими делами, а можете сделать парочку-другую расслабляющих упражнений для глаз и продолжить чтение...

4

Звук. Шум. И опять, опять этот голос.

...Я всё-таки решил повиртуализировать на свободную тему. Есть такая современная мне забава: садишься поудобнее, запускаешь воображатель и пускаешь ситуацию на самотёк – воображается то, что воображающему предлагает подсознание, а значит всё что угодно... и неуютно...

Ну зачем я решил повиртуализировать на свободную тему? Выяснилось, что подсознание моё зависло на этой девочке Уме – нашей новой знакомой. То, что она хороша собой, это и сознание моё отметило. А подсознание моё хочет, чтобы мы с ней ещё раз увиделись, и как можно скорее. Вот оно что. Неужели влюбился? А как же Умау? Да и староват я для неё. А любовь нынче вообще запрещена. Вообще всякая. Надо срочно вспоминать психотехники по подавлению чувств, которым учили в школе.

Да знаю, знаю, подавляй, не подавляй, факт остаётся фактом: вообразил я именно Уму. Причем в обнажённом виде. Воображал я свои к ней прикосновения, объятия и даже прогулку под луной, под Луной, которую мы тут со времён мирового ядерного конфликта не видели – небушко не в том состоянии. И так хорошо с Умой было... О чём говорили, не помню. Помню прикосновения. Теперь вот сижу и думаю: может само пройдёт?

Но вот мои полулюбовные раздумья прерывает Торгаш. Он (как всегда без стука) входит в комнату с нашей новой книжечкой в руках и говорит:

– Ум. (Кажется, я понял, кто эта Ума для нас.)

– Ум? (И кто же?) – спрашиваю.

Торгаш садится на пуфик напротив меня, открывает книгу и начинает читать:

– «Ум. Ум? Ум. Ум? Ум. Ум. Ум...» («Раздаётся залиvistый смех Виолы, и Тху расплывается в улыбке. Я. Это что ещё за невидимый глюк? Испуганно и вопросительно смотрит на Тху. Ты в курсе, что это такое, да? Смех Виолы раздаётся с новой силой. Тху. Это и есть Виола. Я. Кто? Тху. Женщина вземной красоты. Я. Блин, какой красоты? Я её вообще не вижу! Голос Виолы. А ты меня представь. Такой, какой хочешь. Не стесняйся.») – Торгаш поднимает на меня глаза. – Ум? (Понимаешь?)

– Ум. (Пока не очень.) – отвечаю я абсолютно искренне. А сердце ёкает – вдруг он решил, что Уме приходиться сюда больше не нужно...

– Ум? (Эта девочка – наша новая связь с миром, понимаешь?)

Отрицательно качаю головой. Торгаш продолжает:

– Ум. Ум. Ум. (Она, вероятно, лжива, но это от способности быть кем угодно. У неё талант, она может быть нашим... назовём это так, торговым агентом. Мы-то с тобой ещё долго не сможем наружу показаться.)

– Ум? Ум... (А как же Умау? Он у нас вроде бы в роли агента...)

Торгаш усмехается и машет рукой, в которой держит книжечку.

– Ум. (Он, конечно, старается, но неаккуратно и бесталанно, спалит он нас когда-нибудь.)

– Ум? (А Ума нас не спалит?) – моему удивлению сейчас нет предела, Торгаш никогда не был так доверчив и легкомыслен. Или он тоже на юную красотку запал?

Торгаш садится на кровать рядом со мной и говорит:

– Ум. Ум. Ум! (Ты забываешь о десятилетиях довоенного матриархата. Он ведь никуда не исчез, и в Построссии большинство граждан по-прежнему с большим доверием относятся к женщинам, к тому, что они думают и говорят. В общем, с этой Умой наша потенциальная аудитория значительно расширится, так что мы сможем продавать... просвещать гораздо больше людей!)

Я киваю, пытаюсь понять, серьёзно он это всё или нет.

Вдруг Торгаш хлопает меня по плечу.

– Ум! Ум? (Эх, коллега, нам бы ещё парочку таких податливых невидимок, да мы бы такую культурную революцию совершили! Помнишь, о чём мы мечтали в начале нашего пути?)

– Ум? (Ты всё ещё хочешь замутить культурную революцию?)

Торгаш мрачнеет в лице.

– Ум. Ум. Ум. (Нет. Уже нет. Понятно же, что никаким массам это не нужно.)

Торгаш встаёт с пуфика, кладёт книжицу рядом со мной в закрытом виде и выходит из комнаты. Всё-таки какая в нём сила духа. Торгаш всё знает и понимает самым трезвым образом. Как это должно быть горько – всё знать и понимать. Я вот так и не могу внутренне смириться с тем, что навсегда останусь в подполье, что книги и полноценный русский язык уже никогда не будут нужны большинству людей, ведь история – процесс необратимый. И, конечно, не будет никакой культурной революции, о чём речь вообще? И я не могу с этим смириться. Может быть, я потому к вам и подключаюсь в режиме реального времени, чтобы успеть хоть что-нибудь рассказать. Наш, назовём его так условно, литературно-языковой притон рано или поздно накроют. Сейчас наша постстрана находится в режиме установления новой диктатуры, не до остатков культуры пока...

Впрочем, культура в нашей стране всегда была на последнем месте. А потом с ней и вовсе стали бороться в открытую. Картины, фильмы, музыкальные произведения уничтожили быстро, даже несмотря на существование Интернета, а вот с языком оказалось сложнее. Что удивительно, с «великим и могучим» не могли справиться даже научившись, казалось бы, подчистую (с помощью специальной цифровой штучки) удалять у человека память. Оказалось, что язык глубоко оседает ещё и в подсознании (вот неожиданность!). Вот и стали зашивать всем рты, чтобы старый литературный язык не передавался детям... Но осталась ещё письменность, за сохранность которой стали бороться такие, как мы – словофилы, подпольно образованные грамотными бабушками и дедушками, чудом избежавшими в своё время репрессий. До войны нас было больше, мы общались друг с другом посредством вышеупомянутого Интернета. А во время войны связь прервалась и до сих пор толком не восстановлена – и кто, где, что теперь? Думаю, большинство из наших просто погибло... В общем, на всю страну, а, может быть, и весь серый свет, остались только мы с Торгашом. А Умау – наш агент – можно сказать, помогает нам искать покупателей написанных и напечатанных слов. Теперь вот очаровательная Ума... Тьфу ты, опять я о ней!

Чтобы хоть как-то отвлечься, беру книжицу «На песке», листаю, читаю по строчке со страницы: «...и рассказы, и пьеса, и лаконичные размышлизмы из паблика «ВКонтакте»... Да, социальные сети – многое слышал о них от бабушки и дедушки, судя по их воспоминаниям, это была весьма забавная вещь и такая наивная по сравнению с пришедшими им на смену live Stream, транслирующими весь поток мыслей из головы пользователя в прямой эфир. А сейчас вот и этого нет, к сожалению или к счастью. Остались старые добрые мессенджеры в полифонах. Но мы с Торгашом и этим-то благом пользуемся через раз: слишком рискованно. Даже Умау посещает нас без предварительного... сообщения...

Молчание.

Ой, уснул немножко прямо в эфире, прошу простить. Да, хочу спать. Если хочу, значит, пора. Или «хочу» ничего не значит? Вот видите, столько лет между нами, а загоны все те же. Ладно, спокойной вам и мне ночи, зевать в прямом межвременном эфире не буду... как-то это совсем неприлично... наверное... хочу назад в довоенное прошлое... Ума... Моя... Тху ты, опять...

Фоновый шум, сопровождавший голос, становится всё громче и противнее. Вам кажется, что это, возможно, резко повышается ваше внутричерепное давление и с секунды на секунду вас долбанёт какой-нибудь инсульт... Но нет, шум быстро сходит на нет, вы в порядке, кажется, можно и вам поспать спокойно.

5

«Блин», – скажете вы. А кто-то скажет и другое слово, покрепче. Опять этот звук, голове больно, но вы воспринимаете эту аудиоэкзакуцию гораздо спокойнее, чем в предыдущие разы, потому что знаете, что она закончится в считанные секунды. И правда, противный звук скоро сменяет знакомый фон прямого межвременного эфира.

Поспать не получилось. Проворочался несколько часов, думая о любви между женщиной и женщиной. С любовью в Построссии сложно, как чувство она у нас, как я уже рассказывал, официально запрещена. В последние несколько десятилетий (до войны) мы переходили от разврата к полному матриархату: женщины, занимавшие все ключевые посты и занимавшиеся всеми возможными профессиями, беременели от мужчин традиционным в вашем понимании способом, но сразу после родов отдавали младенцев на, как тогда говорили, полное взращивание отцам. Но это полбеды. Из отношений между женщиной и женщиной исчезла какая бы то ни было романтика. Всё упростилось до крайности: знакомство через специальное приложение в полифонах, первая и единственная встреча согласно индивидуальному женскому календарю (ну, вы понимаете). Новорождённого ребенка папаше передавали уже работники роддома без участия мамочки, которая, как правило, была к тому времени по уши в работе. Меня сия чаша минула – я бездетен. А вот у Торгаша, кажется, был ребёнок, да умер как-то, сам он об этом говорить не хочет, даже не знаю, кто именно у него там был, сын или дочь. Ладно, хватит о грустном.

Прислушиваюсь к ядерной постапокалиптической тишине. Торгаш спит, наверное. Или воображает что-нибудь по старинке. В любом случае, не буду трогать его первым.

Полуминутная пауза с исчезающим радиошумом.

Нет, пойду трону его первым. Интересно, не поменял ли он своего мнения, даже уже не мнения, а решения насчёт Умы. Не помню, чтобы он когда-либо менял свои озвученные решения, но это настолько на него не похоже: какая-то девица (пусть даже и весьма симпатичная), которую мы видели в первый и пока что единственный раз, – и уже наш агент... Мать какая-то. Пойду, переспрошу, всё ли я правильно понял. Может, Ума и этот её визит с Умау вообще мне приснился или привообразился в автоматическом режиме... А, нет, книжица-то вот она, явная.

Беру книжку с собой, направляюсь в комнату Торгаша. Прохожу в комнату и... вот это поворот! Торгаш спит сидя на диване... со спящей Умой на коленях. И как это понимать? А она красивая спящая... так, спокойно, пробуем мыслить трезво. Итак, они знакомы давно. Просто я был не в курсе. А как я мог быть не в курсе, если мы с Торгашом все время вместе? Исключено. Он как-то незаметно тогда пригласил её к нам? Нет, тоже исключено. Я бы заметил, я ж неврастеник и очень внимателен всегда. Или так: Ума – давняя фанатка Торгаша. Бред, бред, бред. Присаживаюсь рядом со спящими на стул, смотрю внимательно то на Уму, то на Торгаша и понимаю, что есть между ними что-то общее, так, чисто внешне... Неужели дочь? Да ладно? Ну, правда же, похожа... Значит, не погибла. Или это какая-то ещё одна дочь? Ничего себе. Это она его нашла, или он её нашёл? Конечно, она его нашла. Если бы он искал дочь, я бы знал. А так мы только и занимались, что торговлей да конспирацией. Всё-таки какая она красивая, когда спит. И вообще красивая. Молодец Торгаш, всё правильно, красиво сделал. И что теперь, она и жить будет с нами? А кто и где её мамка, интересно?

Стук в дверь, пугаюсь. Торгаш и Ума мгновенно просыпаются, испуганно переглядываются между собой, затем со смущением смотрят на меня. В следующую секунду мы все трое бесшумно крадёмся к двери, Торгаш берётся за свой лазерный пистолет. Ума то и дело поглядывает на Торгаша, я поглядываю на Уму – ничего не могу с собой поделать.

– Ум? (Кто?) – спрашивает Торгаш.

– Ум. (Да я это, для кого я каждый раз кодовый стук произвожу?) – говорит Умау из-за двери, есть в его голосе, помимо дерзости, что-то неподдельно весёлое, воодушевление какое-то.

По привычке, если не сказать по негласному протоколу, смотрю в глазок. Действительно Умау, действительно весел выражением лица. Открываю дверь, впускаю агента.

– Ум. (Вот и хорошо, что все в сборе, сейчас будете мне всё объяснять.) – строго говорю я соратникам, закрывая дверь.

– Ум. (Как, ты ещё не в курсе?) – спрашивает меня Умау, проходя в комнату.

– Ум. (Представь себе, нет.) – наверное, я сейчас веду себя слишком агрессивно, но ничего, пусть объяснят, никогда ещё последние здешние новости не узнавал последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.